

ФЕЛЬЕТОН

ЦЕЗАРЬ ЗОЛОТАРЬ

ЦЕЗАРЬ Золотарь вошел как литератор лет восемь назад в сельскохозяйственной газете. Первая же его телеграмма с уборочной общада: «Поезд мчит меня межой, урожай будет большой...». И заключала: «Нету слов для всех красот, молнируйте пятьсот».

Потом он исчез. Три дня об этом стыдливо молчали. Но вдруг обнаружили, что он всем должен. Он ухитрился взять займы даже у кассира.

Через год мы встретили его на пляже в Евпатории. Он лежал на золотом песке голый, в одних плавках, невинный, как новорожденный младенец, с чистым голубым взглядом честного человека. На спине его барашками вилась поджаренная кожа.

— Что ты здесь делаешь, Цезарь?

— Я? В данный момент наслаждаюсь дарами природы. А вообще — гастролирую с женским джазом.

— С женским?

— Да. Заведу литчастью и сочиняю для примы куплеты.

В тот же вечер женский джаз давал концерт в курзале. Цезаря мы нашли за кулисами. Между развалинами старой крепости и облезшей холстиной беседки над прудом он благословлял приму джаза Селемену Пищик петь сочиненные им куплеты. Это был перефраз известного марша «Веселых ребят»: «И тот, кто с Пищик по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет».

Но джаз не покрывал всех по-

требностей Цезаря. Каждый день он шпатель на евпаторийский телеграф и оправлялся, нет ли там для него денег до востребования из Ростова. Ростов ему должен был авторские за какие-то репризы о Ростсельмаше. Ростов, однако, денег не высылал. Тогда Золотарь поехал, как он любил говорить, «делать деньги» по Крымскому побережью.

В Ялте он пошел в какой-то переулочек. Постучал в какой-то домик. «Здесь живет исполнительница народно-фольклорных частушек и цыганского романа Марфа Стонова? Будем знакомы — литератор Цезарь Золотарь. Не слышали? Гм... Но вам известен мой рефрен, исполняемый Лаврой Стоговой: «Лен сушили, лен сушили, потом начали мочить?»

Марфа Стонова не желала уступать в направленности тематики Лавре Стоговой. Игриво брякнув монетами, она заказала Цезарю пять «чистюшек» на мотив «Страдание» и один рефрен с льноводческим уклоном. Через три часа Цезарь доставил заказ на дом. Как в «Гастрономе». И получил 400 рублей наличными. Рефрен гласил: «Лен мочили, лен мочили, потом начали сушить».

То была заря его эстрадной деятельности. Золотарь, казалось, нашел себя. Он стал бродить по городкам, сочиняя скетчи, водевилы и куплеты о любви, боксе, комбайнах и супорох, меняя свое литературное амплуа и псевдонимы с такой же быстротой, как он менял свою кожу в день памятной встречи на евпаторийском пляже. Как игрок на бирже, он быстро учел возросший спрос на новую песню и повернул свой флюгер на граммпластины, перебирая по святицам все русские имена от «Маши» до «Сашки». Однажды в порыве откровения он признался, что «надоело выступать с песнями запетыми, так и танет заблестать

острыми куплетами» и тут же выпустил в свет проникновенную джаз-балладу о внезапном сердечном ударе на таксомоторной стоянке:

Весь день дождь моросил,
Я долго ждал такси.
Вдруг — беленький берет:
— Я во МХАТ взяла билет.
Приоткрыл я ей дверцу
И сказал: — Подвезти?..
Потерял на век свое я сердце
В очереди на такси.

Золотарь все чаще стал выступать под разными псевдонимами. Но под любым псевдонимом его нетрудно было узнать. В одном романсе некая эксцентричная певица «ужалила взглядом, аж бросило в дрожь», — это мог написать только Золотарь. На волжском пароходе радист запустил как-то через адальтер в исполнении известной певицы лирическое танго «Не жди любви обратно». Обратно? Мы сразу узнали Цезаря по стилю, по лирике текста, по пылкой натуре. Но где-то он теперь?

Бухгалтера потеряли его след. Последние годы этот мастер аванса, имеющий личный счет в Управлении по охране авторских прав в Лаврушинском переулке, не брал по мелочам. На кинофабрике его встречали, когда он сдавал заявку на полнометражную новеллу из жизни нанайцев, хотя, по правде сказать, нанайцев он никогда в глаза не видел. Его встречали где-то во Львове, скопавшим пуговицы, зажаталки и галстуки. И вдруг мы столкнулись с ним в Москве, у подъезда «Метрополя», где исполнял его последний блюз «Под плеск волны лил холодный дождь». Голубые глаза его несколько посерели от коктейля «Очи черные». На нем был какой-то сногшибательный наряд — голубой пиджак, малиновые в клетку брюки и галстук «смерть мухам».

— Где ты работаешь?

— Работают дураки! — браво воскликнул Золотарь. — Я подвизаюсь в русской литературе. Я — малоформист. Понимаешь, малые формы

искусства, — и протянул нам белоснежный мандат Украинского управления по охране авторских прав, удостоверявший, что на эстраде Украины исполняется 96 (девяносто шесть) водевилей, скетчей, обзорный данного автора, на основании чего его можно считать ведущим мастером эстрады.

— Вот видишь, — продолжал Цезарь, — это же мировая литература, а не какая-нибудь штатная должность. Служить я вообще не могу. Знаешь, эта трудлосципллина, явка, расписки. Достаточно, что я плачу в грешном драматургов в профсоюз. Я, конечно, всей душой, я понимаю момент и готовлю острый водевиличик на эту тему. Мой оборонный скетч «Учлет и она, самолет и луна» имеет колоссальный успех. Один только «Евгений Онегин» дает мне каждую неделю...

— Позволь, — перебили мы его, — но ведь Пушкин...

— Детка, «Онегина» написал Чайковский. Пушкина только текст... Подумаешь, «Куда, куда вы удалились», это же полный пессимизм. Я сделал новый текст...

— И не вызывает протеста?

— Творчество Цезаря вне подозрений. Даже у реперткома. Конечно, чтобы не было путаницы с авторскими, я переименовал «Онегина» в «Шуру Семифорова». Заметь, здорово идет. Периферия меня ценит, дорогая моя. Между прочим, — конфиденциально понизив тон, внезапно прервал Цезарь монолог о литературе, — имею предложить часы «Лонжин» по себестоимости...

Через минуту он исчез. Он побежал то ли на рынок с часами, то ли в «Мосэстраду» с новым скетчем, то ли в Управление по охране авторских прав получать шесть трешниц за «Не жди любви обратно» из Воронежа и десять червонцев за все еще процветающую сушку и мочку льна.

Говорят, он купил на днях собственную малолитражку «Опель» и собирается строить дачу с мезонином. Если бы он мог без ущерба для здоровья и по дешевке купить персональный троллейбус и перепродать его втридорога в Сарабуз, — он, пожалуй, оставил бы на время в покое русскую литературу. А впрочем, он довольствуется и ролью Цезаря на малоформистской ниве, где, к сожалению, еще есть спрос на Золотарей...

Р. С. Нам могут предъявить обвинение, что в списках малоформистов не значится Цезарь Золотарь.

Действительно, в этом жанре работает немало авторов, ничего общего с Цезарем не имеющих. Ведь даже Чехов занимался малыми формами. В интересах справедливости мы хотели бы указать точный адрес Золотаря. Но, к сожалению, мы не установили его настоящее имя и фамилию. Мы можем уточнить лишь некоторые детали. Оправка на 96 эстрадных произведений выдана на имя Геллера, этой же фамилией в свое время был подписан куплет «И тот, кто с Пищик по жизни шагает». Лирическое танго «Не жди любви обратно» («Встречи») приписывается Грампласттрестом Уманскому. «Ужалила взглядом, аж бросило в дрожь», равно как и баллада о потере сердца на таксомоторной стоянке, распространены под широко известным псевдонимом Альбек. «Под плеск волны лил холодный дождь» числится по авторскому счету Кожеурова. Скетч «Учлет и она, самолет и луна» имеет поразительное сходство с произведением, подписанным Валентином Грозовым и Александром Мейером. Таким образом Цезарь Золотарь — один из псевдонимов. Но подобрать к нему подходящие фамилии не столь уж трудно.

Вл. РУДНЫЙ.